

17. Назаров Р. Р. Полиэтнический социум Узбекистана (историко-социологический аспект). Ташкент: Ижтимоий фикр, 2013. 144 с.
18. Узбекистан — наш общий дом. Книга-альбом. Тошкент: «Узбекистон» нашриет-матбаа ижодий уйи, 2004. 223 с.
19. Муртазаева Р. Толерантность как интегрирующий фактор в многонациональном Узбекистане. Ташкент: Узбекистан, 2010. 152 с.
20. Конституция Республики Узбекистан. URL: <https://constitution.uz/ru> (дата обращения 22.06. 2022)
21. Абдуллаев Е. В. Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях демократизации // Русский мир в Центральной Азии / Под ред. А. А. Князева. Вып. 1. Бишкек, 2007. С. 9–33.
22. Fumagalli M. Ethnicity, state formation and foreign policy: Uzbekistan and 'Uzbeks abroad' // Central Asian Survey. 2007. № 26(1). P. 105–122.

DOI 10.37386/2687-0584-2022-17-276-281

УДК 39 (=512)

И. Г. Черляков

Роль утилитарной функции инноваций в подсистеме жизнеобеспечения северных алтайцев в конце XIX — начале XX в.

МОУ «Тондошенская ООШ», Республика Алтай, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается культурная трансформация северных алтайцев на рубеже XIX–XX вв. В данном процессе выделены механизмы внедрения инноваций. Обозначена роль и значение утилитарной функции инноваций в подсистеме жизнеобеспечения этнической культуры. **Ключевые слова:** трансформация, инновация, жизнеобеспечение, этнос, традиционная культура, Северный Алтай.

Историко-этнографическая литература постоянно делила коренные народы Горного Алтая на две группы: «южные алтайцы» (алтай-кижи, теленгиты и телеуты) и «северные алтайцы» (кумандинцы, тубалары и челканцы) [8, с. 2]. Причинами такого вывода тюркологи считали различия в этнической культуре. Территориально-климатические особенности проживания (Солтонский, Бийский и Красногорский район Алтайского края, а также Турочакский, Чойский и Майминский районы Республики Алтай) и антропологический тип их происхождения. Следовательно, изучение механизмов и функций внедрения инноваций в подсистемы (производственная подсистема, подсистема жизнеобеспечения, соционормативная подсистема и познавательная подсистема) традиционной культуры коренных народов края, отличных друг от друга, имеет большое научное значение [6, с. 42–46]. Механизмы внедрения инноваций содержат несколько основных этапов: селекцию

(отбор) и воспроизведение (копирование), модификацию (усвоение) и структурную интеграцию. Последний, заключительный, этап завершается включением инноваций в органичную часть этнической культурной традиции [1, с. 174–177]. Утилитарная (прикладная) функция инноваций играла важную роль на первых этапах их внедрения в подсистемы этнической культуры, особенно в подсистеме жизнеобеспечения. Составными частями этой подсистемы являются поселение и жилище, питание, одежда и ряд других комплексов.

Стабильный уровень социально-экономического развития региона в конце XIX – начале XX в. стимулировал рост численности населения в поселениях Северного Алтая с 60 юрт до 140 дворов. В поселениях получили распространение русские избы, четырехстенные «гамики», пятистенки, крестовые или «круглые» дома. Гамик – переходная форма от полужемлянки и прямоугольной юрты к избе (4×4 м) с двумя небольшими окнами, расположенными на юг и дверью на север. Некоторые информаторы свидетельствовали, что такой тип избы был основным среди северных алтайцев в начале XX в. Пятистенки (4×6 м) – самый распространенный вид жилища среди русских переселенцев. У северных алтайцев они приходят на смену «гамикам» только в период колхозного строительства (1930–1940-х гг.). «Круглые» дома были характерны для байско-зайсанской верхушки общества. Общим для всех типов жилища являлся сосновый или пихтовый сруб. Северные алтайцы работали с тонкомером или вершинником. Стены рубили в «чашу». Ставили на мох с последующей обмазкой пазов «голубой» глиной или на глиняный раствор. «Гамик» собирали на примитивный фундамент из валунов или смолистых пней по четырем углам. Засыпали завалинку. Потолок, как и пол, выстилали на матке из горбыля в полдерева. Сверху трусили березовые листья и засыпали землей. Сруб подводили под двускатную (амбарную) крышу. Она покрывалась горбылем по бересте на жерди. Внутренняя обстановка «гамика» мало отличалась от устройства прямоугольной юрты.

Жилище традиционно делили на женскую и мужскую половины, по стенам [12, с. 114]. «Передняя стена, – писал миссионер В. И. Вербицкий, – против очага назначена для гостей. Левая стена от входа за очагом есть место неприкосновенное ни для кого, кроме хозяйской семьи. Если в семье есть братья, сестры хозяина или престарелая мать, то они занимают правую стену от входа» [3, с. 17]. Справа от двери в углу размещался кол тербен (ручная мельница), соки (ступа) или паяспак (зернотерка). Вдоль стен тянулись лавки (70 на 20 и 150), обитые берестой. По другим данным, лавки внутри «гамика» отсутствовали, а домочадцы сидели прямо на полу вокруг низкого столика, по форме

напоминающего тепши (блюдо). В углу на полатах хранились глиняная и деревянная посуда, берестяные туеса, а небольшой стол старались не заставлять утварью и едой (это не касалось охотничьей заимки). Глинобитная русская печь или очаг (каменка) также находились на правой женской стороне, а на мужской висели охотничьи принадлежности. Здесь же вместо изображения охотничьего духа-покровителя Шалыга стали помещать иконы [11, с. 120].

Двор огораживался пряслами из жердей, прутьев тальника или не имел их вовсе. Во дворе кроме стоек и навесов, появляются бани «по-черному», без дымохода. Вода нагревалась в большом казане справа от двери на каменке. На полках размещали деревянные лохани, ведра и ковши. В предбаннике стоял самогонный аппарат. На открытом месте устраивали летнюю кухню с навесом или без него. Внутри помещали таган с казаном. Туалетов не было, по нужде ходили в лес или стайки, вместо туалетной бумаги использовали листья лопуха или пихтовую бороду (также желтый мох с деревьев).

Байские жилища отличались размерами и убранством. «Круглые» дома имели один или два этажа и несколько кирпичных печей. Пятистенки с прирубом с шестью окнами на юг и массивной дверью на север. Сруб из массивного кругляка ставился на фундамент из скальника на песчаной или глиняной подушке. Внутри по лагам стелили половицы (пилили продольной двуручной пилой на станине). Скрепляли между собой на шканты. Застекленные окна обналичивали и навешивали ставни. Четырехскатную крышу напускали на сени, и обычный пятистенки смотрелся со стороны как «круглый» дом. Крышу покрывали тесом. Сени больше походили на крытые террасы.

В доме появляются фарфоровая и стеклянная посуда, мельхиоровые ложки, жестяная утварь, самовары, книги, граммофон (позднее патефон), а также занавески, постельные принадлежности, ковры, шкафы, комоды, этажерки и буфеты. В байском быту широко встречаются предметы с известных ярмарок, таких как Ирбитская. Например, жестяные упаковки от кондитерских изделий известной фабрики Т. А. Афоной торгово-промышленного объединения г. Екатеринбурга [7]. В начале XIX в. был изобретен сплав меди с никелем и цинком, который был очень похож на серебро и назывался мельхиором. Мельхиоровые ложки быстро завоевали популярность в Европе и России [9]. В конце XIX в. металлические ложки можно было встретить в байских семьях Северного Алтая. Хорошим тоном в байском доме считалось держать фарфоровую посуду «Товарищества фарфоровых и фаянсовых изделий М. С. Кузнецова», одного из крупнейших фарфорово-фаянсовых производств Российской империи конца XIX — начала XX в.

Кузнецовский фарфор выпускался в безупречном технике исполнения и с изысканным декором [4, с. 50–57]. Не менее престижной вещью считался патефон. Он представлял собой переносную версию граммофона, что для такого удаленного уголка, как Северный Алтай имело немаловажное значение. В отличие от граммофона, у патефона рупор был маленьким и встроенным в корпус, сам аппарат компоновался в виде чемоданчика. Он переносился в застегнутом виде за специальную ручку. Общее у него с граммофоном то, что в нем для записи и воспроизведения звуковых колебаний применялись эбонитовые диски с нарезанными на них спиральными выемками [13, с. 249–250].

Во дворе огороженным заплотным забором, помещалась столовая для рабочих и прислуги, амбары, двухэтажные стайки с сеновалом, конюшни, склады и баня «по-белому» с дымоходом [10]. «Гамики» в байском хозяйстве играли роль зимней кухни.

Утилитарная функция способствовала селекции и копированию инноваций в питании северных алтайцев — оно стало разнообразнее. Среди продуктов питания у них все чаще стали появляться хлеб (ржаной и даже пшеничный), гречневая крупа, из огородных культур — огурцы, капуста, репа, редька и свекла, а также картофель. Это обстоятельство не преминули подметить и ученые, и путешественники, побывавшие в конце века в Северном Алтае. Один из них отмечал, что ныне многие алтайцы «едят... пшеничный хлеб, который приготавливается ими, как и у русских... но, наряду с пшеничным хлебом, встречается и ячменный хлеб» [2, с. 96]. Тем не менее пища северных алтайцев сохраняла традиционные черты в большей степени, чем жилище или одежда, и менялась в основном в области использования хлеба.

Изменения в бытовой традиции инородцев отмечено и в «Кратком историческом очерке Алтайского округа»: «Инородческое оседлое население, — подчеркивалось в нем, — теперь уже ничем не отличается от русских: [у них] тот же образ жизни, тот же внешний вид» [5, с. 106]. Заметную трансформацию претерпела и одежда северных алтайцев, проживавших по соседству с русскими или использующих ножные прялки, чесалки и рамочные ткацкие станы. Источники конца XIX в. отмечали, что значительная часть «инородцев» уже совершенно усвоила русскую одежду. Они носят те же рубахи — косоворотки или пиджаки, брюки, заправленные в сапоги с высокими голенищами. Из оставшейся половины большая часть по костюму представляет смесь русского и алтайского: «Только меньшинство инородцев стойко держатся своих костюмов». В Северном Алтае уже в XIX в. переняли головные уборы местного русского населения: военные картузы, шляпы, круглые шапки с остроконечной тульей и высоким околышем. Были рас-

пространены и головные уборы из войлока. Летом носили шапочки из холста, дабы или нанки в виде усеченного колпака с кружком наверху.

Под влиянием русских переселенцев развиваются средства передвижения и связанные с ними извоз и ямская служба. Основными средствами передвижения служили сани, двуколки, телеги и тарантасы.

Таким образом, утилитарная функция инноваций играла важную роль в производственной подсистеме и подсистеме жизнеобеспечения северных алтайцев, особенно на первых этапах механизма внедрения инноваций — отбора и копирования. Методом проб и ошибок выявляются наиболее удачные модели в данных подсистемах. Отбор совершался первоначально в байско-зайсанской верхушке, группах народных умельцев, а оптимальные варианты в дальнейшем распространились как вглубь, так и вширь.

I. G. Cherloyakov

Role utilitarian functions innovation in the subsystem life support northern Altaians at the end of XIX – early XXth century

Tondoshen Comprehensive School, Republic of Altai, Russian Federation

Annotation. The article deals with the cultural transformation of the Northern Altaians at the turn of the XIXth–XXth centuries. In this process, mechanisms for introducing innovations are identified. The role and significance of the utilitarian function of innovations in the life support subsystem of ethnic culture is outlined. **Keywords:** *transformation, innovation, life support, ethnos, traditional culture, Northern Altai.*

Источники и литература

1. Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 246 с.
2. Алтайский сборник. Барнаул, Т. 5. 1903. 147 с.
3. Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. М.: Скоропеч. А. А. Левенсон, 1893. 221 с.
4. Гаспарян А. В. Фарфор: хрупкий и вечный // Бизнес-Класс: журнал. 2009. № 3 (Апрель). С. 50–57.
5. Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747–1897 гг.). СПб., 1897. 16 с.
6. Мкртумян Ю. И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван, 1978. С. 42–46.
7. Микитюк В. П. Еще раз об Афониных. Старообрядческое Подмосковье. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.genealogy-kzn.ru/afonin/> (дата обращения 01.02.2018).
8. Модоров Н. С. Россия и Горный Алтай: Политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайск. ун-та, 1996. 400 с.
9. Обухова З. Г. Столовые приборы конца XIX – начала XX вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kmkmuzey.ru/exhibition/4112-lozhki/> (дата обращения 01.02.2018).
10. ПМА 2018 г.: Турочакский район, с. Турочак. Русина Н. С. 1928 г. р.

11. Сатлаев Ф. А. Кумандинцы. Горно-Алтайск: Алтайское кн. изд-во, 1974. 200 с.
12. Тошакоева Е. М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1978. С.152–153.
13. Фонограф // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1902. Т. 36. С. 249–250.

DOI 10.37386/2687-0584-2022-17-281-285

УДК 392.9

И. В. Чернова

«А это я крокодилов разводить собираюсь...»: неформальные практики и коммуникации жителей Павлоградского района Омской области (по материалам этнологической экспедиции ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2022 г.)

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Аннотация. Изучение неформальных практик превратилось в актуальную проблему этнографического поля, требующую рефлексии. Разработка темы на локальных материалах с опорой на базу кейсов и методические инструменты по сбору материалов, предлагаемые в социальных науках, дали возможность охарактеризовать специфику неформальных практик, сформировавшихся в «негородском» пространстве районного центра на протяжении второй половины XX – первых десятилетий XXI века. **Ключевые слова:** неформальные практики, обмен, шутки.

На протяжении последнего десятилетия теоретическое осмысление новых вопросов, связанных с современными социальными процессами и изменением сельского пространства, актуализировало разработки в сфере изучения таких проблем, как адаптационные механизмы и культура жизнеобеспечения в условиях экстремальности [1], новая «сельскость» [2], взаимоотношения города и села и освоение сельского пространства [3]. Это способствовало расширению тематики полевых исследований и обновлению методического инструментария для сбора полевых материалов.

К числу новых полевых тем, требующих рефлексии, можно отнести неформальные практики и отношения, возникающие в «негородской» среде, в которую включены не только села и деревни, но и такие промежуточные формы, как районные центры и рабочие поселки. Однако, несмотря на декларируемую новизну, сюжеты, связанные с неформальными практиками, обнаруживаются в рассказах наших информантов об их повседневной жизни а также вычлняются в архивных источниках рубежа XIX–XX вв. Их рассмотрение в качестве самостоятельной проблематики полевых этнологических исследова-